ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ № 7 ЦЕНА 25 КОП.

КРОКОДИЛ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ
МАРТ 1932 г.
МОСКВА

СТАРЫЙ БЫТ БУДЕТ БИТ!..

— И к быту, проклятые, подобрались. Из последней щели нас выкуривают!..

Письмо из будущего

Фельетон Ф. Уралова

Заставка К. Р.

С одним из метеоритов мы получили письмо, которое излагает доклад профессора-историка, сделанный в 1950 году. Письмо проделало громаднейший космический путь и пришло в несколько потрепанном виде. Не имея возможности воспроизвести его полностью, приводим в сокращенном виде.

... овый быт отвоевывал у быта старого пядь за пядью. Старое с жесточайшими боями сдавало позиции, которые оно занимало веками. Новое упорно двигалось вперед сквозь строй преград, через Эльбрусы непонимания, косности, обывательщины. И надо было много энергии, мужества, решительности, чтобы создать новый быт, быт, достойный великих строителей социализма.

Повторяю, препятствия встречались на каждом шагу. Приведу для примера дома той эпохи. Это были сооружения, похожие на ящики. Обитатели считали величайшим позором для своего рода пользоваться предметами соседа.

— Боже упаси, — как они выражались, — чтоб у Тюлькина утюг взять... да ни в жисть!

Такая концепция, естественно, влекла за собой самые фантастические последствия. Если, допустим, в квартире жило 6 семейств, то они имели: 6 самоваров[1], 6 утюгов, 6 половых щеток, 6 кошек[2], 6 примусов[3] и одну прочищалку[4] для примусов, да и то взятую на прокат в соседнем доме.

Вы спрашиваете: почему одна прочищалка, а не 6? Очень просто, если бы у каждой семьи была своя собственная прочищалка, то моментально исчезла бы база для склоки, — этого любимейшего развлечения обитателей квартир.

Происходило это, примерно, таким порядком. Женщина из рода Кривопеговых выходила на кухню и начинала зажигать примус. Род Тюлькиных, услышав энергичное действие насоса, мгновенно воспламенялся жаждой к чаю. Один из тюлькинцев спешно откомандировывался на кухню с наказом:

— У Кривопеговых примус всегда засорен, прочищалку из рук не выпускают. Сначала ты прочисть, а потом пусть они!

Кривопегова, действительно, мучилась с примусом. Он шипел, вонял, но гореть по-человечески отказывался. Тогда она, изнеможенная, воскликнула:

— Странно! Все время работал! Не иначе, как Тюлькины испортили. Постоянно чужим норовят воспользоваться, дьяволы[5], а не люди!

Полпред рода Тюлькиных, получив подобную характеристику, выкатывал глаза, багровел, как солнечный закат летом, и свистящим шопотом бросал:

— Во-первых, вы, Кривопеговы, дьяволы, во-вторых, вы соль[6] у нас таскаете, в-третьих, Митрий, выходи на кухню!

Дальше действие развертывалось спокойно и просто: скорая медицинская помощь, отделение милиции, нарсуд.

Особо надо остановиться на женщинах-домохозяйках. Они страстно тянулись к новому. Но индивидуальное хозяйство: готовка пищи, стирка белья, уборка комнат, уход за ребятами, держало их в стальных тисках. Их рабочий день был 16 часов. 30 миллионов трудящихся женщин, жен рабочих и служащих, крестьянок тратили ежедневно сверх 8 часов труда примерно 28.500 лет на непроизводительную, отупляющую работу.

Одной из основных задач того времени было освободить женщину от кухни. Начали строиться столовые, фабрики-кухни. Но некоторые из них благодаря головотяпству своих руководителей всячески дискредитировали общественное питание. Они, например, могли из прекрасных продуктов сготовить дряннейшую пищу. При чем каждое блюдо старались разнообразить: в борще можно было обнаружить щепку, пуговицу, кусок веревки; в котлетах гвозди, лоскут материи, огрызок карандаша.

Разумеется, при таком отношении к общественному питанию столовые долго не могли стать действительными организаторами нового быта.

...Воспитанию детей уделялось чрезвычайно много внимания. В эту эпоху как раз и начали развиваться ясли, детсады, детплощадки. Но их было все же мало. Тут получало свое первое воспитание подрастающее поколение. Весьма любопытно отметить ту косность, которая наблюдалась среди матерей. Малышу Пете рассказывали всякие небылицы про ясли, а ежели он был шалуном, то припугивали:

— Будешь баловаться, — отдадим в детсад.

Были, правда, дети-герои. Они на подобные родительские клеветнические измышления отвечали:

— Мама, влешь!

Мама истерически вскрикивала:

— Ах, это тебя в детсаду научили! — поднимала длань для возмездия. Малыш подставлял щеку или затылок, смотря по положению материнской руки, и заявлял:

— Поплобуй, тлонь, — позалуюсь милиционелу!

... Особо стоит остановиться на гигиене и санитарии в жилищах. Грязи было в некоторых домах, — страшно сказать только! Один из летописцев того времени прислал в журнал «Крокодил» корреспонденцию. В ней он со всей беспристрастностью приводил следующий факт:

> «В конце 1931 года хозяйственники торфоразработок Марково — Сборное им. Колотилова, в Ивановской промышленной области решили навести чистоту в общежитиях рабочих-торфяников — начали морить тараканов. Результаты получились блестящие: из 15 общежитий вымели 32 короны мертвых тараканов!»

Летописец заканчивает свою краткую повесть так:

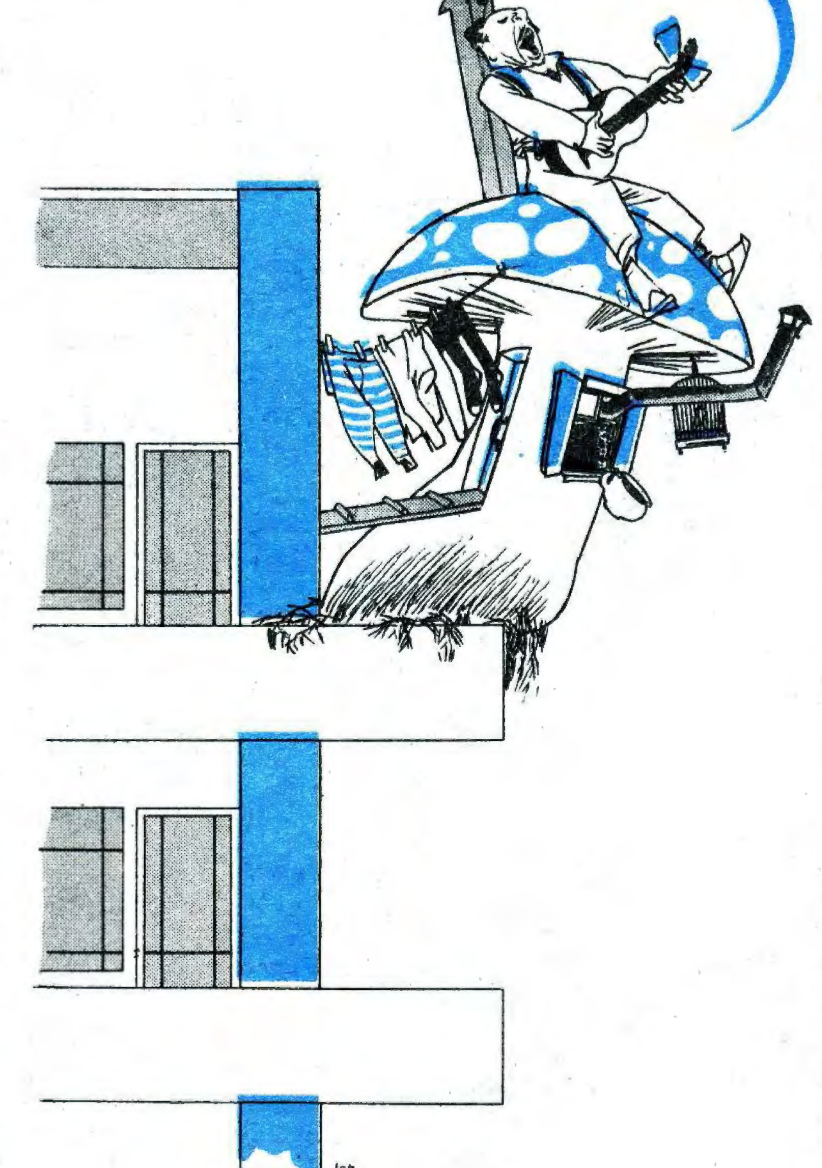
> «Не побили наши хозяйственники мировой рекорд по разведению тараканов? Не следует ли вместе с ними, т.-е. тараканами, вымести кого следует?»

... Можно было бы привести бесчисленное множество фактов, случаев, которые задерживали внедрение нового быта, извращали политику партии и правительства в этих вопросах. С ними велась решительная борьба.

И чем больше трудящихся вовлекалось в общественную, политико-воспитательную и производственную работу, чем шире развертывалось жилищное и культурно-бытовое строительство, тем меньше и меньше оставалось места для осколков старых традиций, навыков, обычаев. Новое, социалистическое постепенно наполняло каждый кубометр воздуха. Старое, лишенное питательных корней, блекло и, наконец, как тогда говорили: «приказало долго жить», т.-е. умерло.

... Следующая... екция и буд... посвящена этому периоду эпохи ...нтельства социалистич... быта!

К. Ротов

НАДСТРОЙКИ, К СОЖАЛЕНИЮ, ЕЩЕ ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ НА НОВЫХ ДОМАХ.

---

1. Самовар — кустарный завод по производству кипяченой воды. Работал на древесном угле, уничтожил за свое многолетнее существование тысячи тысяч гектаров леса.
2. Кошка — рассадник заразы и склок.
3. Примус — фабрика-кухня.
4. Прочищалка—предмет необ'яснимый.
5. Дьявол — слово, выражающее верх вежливости.
6. Соль — кристалл. Употребляется в пищу и для насыпания на хвосты.

ПЕСЕНКА О КЛОПЕ

ЖИЛ-БЫЛ жилец в квартире,
При нем ютился клоп:
Он целился, как в тире,
И в грудь, и в бок, и в лоб.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Он ночью постоянно
Активно наступал:
Жилец чесался рьяно,
Пока не засыпал.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Стал клоп крупней ореха,
Ползет с большим трудом...
Как вдруг — жилец наш с'ехал, —
Вселился в новый дом.
Гоп, гоп, гоп гоп,
Ой, клоп!

Вот тут пошли делишки,—
Был клоп и — сразу сплыл:
В истлевшем барахлишке
Жилец клопа забыл.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ах, клоп!

В квартире новой — ванна,
Паркет —не превозмочь!
Но все же, как ни странно,
Жилец не спит всю ночь.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Где клоп?

Жильца тощища гложет,
Ужасно ноет грудь:
Жилец никак не может
Без клопика уснуть.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Мой клоп!

Зовет курьера вдруг он —
В приказе строгий стиль:
Эй, за клопом, за другом,
Послать автомобиль!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

И вот клопа встречают
Со старым барахлом:
Кричат „ура", качают,
Все бьют ему челом.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Прием — в мажорном тоне,
Прием, как теплый душ:
Клопу на граммофоне
Играют громкий туш.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Опять житье настало:
Клопу здесь пропуск дан —
В подушки, в одеяло,
В портфель и чемодан.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

И вот клопа родного
Опять жилец ютит:
К жильцу вернулись снова
И сон и аппетит!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

В. Гранов.

СТАРЫЙ ЛЕРМОНТОВ НА НОВОМ КАВКАЗЕ

К. Елисеев

ЛЕРМОНТОВ: — Не узнаю Кавказа... Вместо башни Тамары — ЗАГЭС, по девственным горам фуникулеры бегают...

ПОВЕСТЬ О ЛЕБЕДЕВЕ ИВАНЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ

(В одном обеде и двух речах)

ДО СИХ ПОР Штеровка была известна, как электрическое сердце Донбасса. Но, кроме новой электростанции, в городе обнаружена еще одна достопримечательность, незаслуженно забытая современниками.

Это Лебедев Иван Яковлевич.

Под его мудрым руководством, силами рабочих Хрустального рудоуправления каменный сарай был переоборудован в кооперативный магазин.

Обошлась перестройка в 3.000 рублей, и останавливаться на этом не стоило бы... Если бы не широкая «русская» натура Ивана Яковлевича.

Окончание столь ответственного строительства Лебедев решил отпраздновать достойным образом.

К празднику начали готовиться задолго до назначенного срока. В местной типографии печатались пригласительные билеты, продукция пивоваренного завода была забронирована «на корню».

Был поставлен на ноги весь музыкальный актив города, состоявший из двух духовых оркестров. Сыграться им долго не удавалось, так как один из них специализировался на похоронах, а другой на торжественных заседаниях и вечерах. Для задуманного же Иваном Яковлевичем фестиваля музыка требовалась исключительно под'емная.

Открылось торжество, как полагается, митингом. Ивана Яковлевича так и не дождались. Они изволили подкатить в экипаже прямо к художественной части, то-бишь к обеду.

Вслед за Иваном Яковлевичем гости нестройной толпой проследовали в столовую. Музыка играла туш, под звуки которого тут же, у входа, каждому из приглашенных торжественно вручалось пиво (по бутылке на «пивока»).

Начались не менее торжественные речи под аккомпанемент хлопающих пробок. Иван Яковлевич сиял. Высокие чувства, переполнявшие его душу, и желудок, достигли своего апогея во время речи тов. Мезеря Анисима Андреевича.

— Да здравствует, — сказал он, подняв бокал с мутной жижицей, — советская власть, а также Лебедев Иван Яковлевич. Урррра!..

Воодушевленный пивом оркестр громыхал...

Отвечал на приветствия сам Иван Яковлевич.

— Да здравствует мировой пролетариат, а также тов. Мезерь Анисим Андреевич. Уррррра!..

Торжество продолжалось свыше двух часов и обошлось всего-навсего в две тысячи рублей. Немногим меньше стоимости сооружения магазина, открытие которого праздновалось столь торжественно.

Какое счастье, что Лебедеву Ивану Яковлевичу вкупе с Мезерем Анисимом Андреевичем не было доверено строительство Магнитогорска...

Евстигней Метелкин.

Низкая облачность

Рассказ Б. Левина

В ЭТОМ ГОДУ все летчики и летчики-наблюдатели Э-ской эскадрильи переженились. Так бывает,—вдруг все женятся. При желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей. Парень он красивый. Красивый — в данном случае слово не подходящее и само слово бракованное. Да и какой он красивый,—на шее шрам, нос приплюснутый и губы грубые. Но в Орехове все это было очень симпатично. Не будь шрама и губы как надо и нос в порядке, — было бы хуже.

Так-то при желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей, но он не торопился. Вовсе не из каких-нибудь принципиальных расхождений по вопросу о браке. Он к браку относился вполне благожелательно.

— Женятся, и хорошо,—рассуждал он,—но я все-таки подожду. Торопиться некуда.

При том, наблюдая жизнь женатых, он не особенно завидовал ихнему тихому уюту, ихнему семейному счастью. Из уюта часто доносился зубовный скрежет, а иногда оттуда летели осколками тарелки и стаканы.

Орехов не завидовал женатым.

— Женятся,—пусть себе женятся. Я подожду,—не к спеху.

Главное, ему казалось, что среди женщин самый большой процент мещан. Там их самое главное болото. Он, конечно, великолепно знал социальные корни этого дела. И вовсе не придавал значения тому факту, что мозг женщины на полтораста грамм легче мужского. Он знал, что дело не в этом. Он и Бебеля читал—«Женщина и социализм»—и из истории революции знал многих прекрасных, талантливых женщин. Но вот в жизни Орехову такие не попадались.

— И почему это,—думал он с досадой,—как у девушке глаза цветут и чулки светятся, так дура-дурой, а как поумней и посодержательней, так тошно смотреть. Конечно, это не правило, но Орехов большей частью сталкивался именно с такими экземплярами. Ясно, с такой свою жизнь не свяжешь. Пошутить с ней, подурачиться или, как любил выражаться Орехов, «проветриться» это еще куда ни шло. А вот поговорить с ней о чем-нибудь серьезном, как с другом, как с товарищем, посоветоваться, поделиться,—это невозможно. Так что при встрече с такими девушками Орехов разговаривал совершенно не так, как всегда. В обращении с ними у него выработался условный рефлекс. Для этих девушек он специально имел небольшой запас фраз и случаев из летной жизни. И так как многие девушки очень часто задавали одинаковые вопросы, то для них давным-давно у Орехова были заготовлены ответы. Вот, например:

Девушка (это всегда спрашивали в первый же день знакомства): А как летать страшно?

Орехов (каким-то пошловатым, не своим голосом): Страшно, но воздух—моя стихия.

Тут он обыкновенно делал небольшую паузу и прибавлял загадочно:

— Я, когда не летаю, чувствую себя отвратительно. Шум мотора для меня алкоголь. Отберите у меня машину,—и я застрелюсь.

Орехову, между прочим, никогда не бывало страшно, но сказать об этом, значит, никакого впечатления. Так же он великолепно себя чувствовал, когда и не приходилось летать, но он знал, что девушкам так больше нравится. Особенно про «застрелюсь».

И действительно, девушка ласковей смотрела на Орехова и шептала:

— У вас квылья, и вы летаете. Как это квасиво.

Неожиданно девушка картавила и говорила так, как-будто у нее в носу только что выросли полипы.

И Орехов, смеясь над этой глупой девушкой, говорил ей в тон:

— О, да, это так квасиво. Это феевично!

Когда Орехов познакомился с Зиной, он подумал о том, как здорово Зина похожа на Катю М., а также он с горечью подумал, как часто люди внешне похожи друг на друга и как мало трафаретов отпустила природа на это дело. Он даже спросил у Зины:

— Не сестра ли вам Катя М.?

— Нет,—ответила она,—у меня сестер нет.

— Впрочем, эта деталь не существенная,—заметил Орехов,—самое главное, что вы так же прекрасны, как она.

Зина на это ничего не ответила и, вообще молчала. Орехов решил, что она принадлежит к группе «Б» (молчаливо-глупые) и что это гораздо лучше, чем группа «А» (болтливо-глупые). Группы «А» и группы «Б»—это он сам придумал, а для чего,—не знал. Не для статистики-же?

В следующий раз, когда он встретился с ней, он сказал то, что ему приходилось говорить уже много раз:

— Сегодня утром, одевая гимнастерку, я глянул на свои петлицы и вспомнил ваши глаза.

— Вот как,—заметила безразлично Зина и чему-то улыбнулась.

Между прочим, у нее глаза были вовсе не голубые, а отчетливо карие.

— И о!—если бы,—продолжал он в том же духе,—небо было б всегда такое, как ваши глаза, то навсегда исчезла бы низкая облачность, что больше всего не любим мы, работники воздуха.

— Вот как,—заметила опять Зина.

И, так как она молчала, либо только говорила «вот как», то Орехову пришлось очень быстро вытряхнуть из себя весь запас фраз и случаев из летной жизни.

Зина говорила с сожалением своему товарищу Саше Конвертову,—он учился вместе с ней в техникуме:

— Я как-то познакомилась с одним летчиком. Но я прямо удивлена, до чего глуп и пошловат. Досадно, что среди наших летчиков есть такие типы.

— Познакомь меня с ним,—попросил Конвертов,—я хотел бы полетать.

— При случае,—пожалуйста. Хотя больше с ним встречаться не намерена. Меня раздражает это: «Мотор сдох... Ваши глаза—голубые петлицы»,—передразнила она Орехова.—Брр, как противно!

«Почему она молчит? — думал о Зине Орехов и сам себя успокоил.—Мещанки любят прикидываться таинственными, молчаливыми, загадочными. Ничего, скоро она откроет свой прелестный рот, и оттуда посыпятся деревянные соловьи и бумажные розы».

И вот он опять встретил Зину, она была вместе с Конвертовым.

— Познакомьтесь!—сказала она, — мой товарищ.

Для борьбы с революционным движением социал-фашистская полиция Берлина запретила собрания и скопления на улицах.

Ив. Малютин

СОЦ.-ФАШИСТ (Брюнинг)—*Разрешите им, г. Брюнинг, оставаться здесь, так как для них это не улица, а квартира...*

— Чего вас так редко видать,—спросил Орехов у Зины, хотя он сам в последнее время был так загружен, что вот в первый раз вышел погулять.

— А вы разве соскучились,—сказала ему в тон Зина

Ей очень хотелось вызвать Орехова на разговор, чтобы и Конвертов убедился, какой этот летчик пошляк.

Орехов не заставил себя ждать.

— Хотя мы, летчики, имеем дело с небом, но и нам не чуждо земное, особенно прекрасный пол.

— Уой!—тихо промычала Зина и ближе подвинулась к Конвертову.

— А вчера,—продолжал Орехов,—кружась над городом, я заметил крышу вашего дома, и мне захотелось на полном газу врезаться к вам в комнату.

— Уой!—уже на этот раз озорно и громко промычала Зина и сказала:—Как противно!— и удрала.

— Зинка, брось,—хотел ее остановить Конвертов, но она не обернулась.

Орехов смутился.

— Что с ней?—спросил он на этот раз обыкновенным голосом.

— Не знаю,—ответил Конвертов и попросил:—Нельзя ли мне как-нибудь полетать?

Орехов пробурчал что-то непонятное, он больше думал о том, почему ушла Зина.

— Я ударник,—продолжал Конвертов,—я даже, если это требуется, могу справку... из заводоуправления.

— Ладно, как-нибудь!—Орехов хотел отделаться от парня.

— Да не как-нибудь, а ты уж говори определенно,—перешел неожиданно на ты Конвертов.—Если это только возможно, то назначай время. Мне дозарезу хочется полетать, — прибавил он очень просто.

И был день, когда в лагерь авиочасти пришел Конвертов. Орехов доложил о нем командиру. Тот прочел бумажку о том, что Конвертов премированный ударник и сказал:

— Ну что ж, можно будет, раз ему так хочется полетать. Минут двадцать.

— Слушаюсь, товарищ командир,—сказал Орехов. И они пошли вместе с Конвертовым пешком на аэродром. По дороге Орехов спросил:

— Скажи, пожалуйста, что собой представляет эта Зина? Ты ее давно знаешь?

— Мне о ней говорить не полагается. Я буду пристрастен,—сказал Конвертов,—я ее люблю. Но она замечательная девушка. Комсомолка. Общественница. Не липовая, а настоящая. Без дураков,—прибавил искренне Конвертов.—В техникуме ты знаешь, как с ней считаются! И не удивительно,—она марксистски гораздо лучше других подкована. Зина—замечательная девушка.

— Я и не знал,—заметил Орехов.—Мне казалось, она—просто барышня-мещаночка.

— Это смешно, — сказал Конвертов и остановился посреди поля.—Зинка—мещанка! Зина—прекрасный товарищ. И у нас ее в техникуме все любят. Она очень много работает. И главное, умеет работать, вот что важно,—добавил с некоторой завистью Конвертов.

Затем они шли молча. И когда уж подходили к аэродрому, Конвертов сказал:

— Почему-то она тебя не любит. Считает пошляком.

— Вот как?—процедил сквозь зубы Орехов и покраснел.

Когда они улетели с аэродрома и поднялись на высоту шестисот метров, Орехов подумал о Зине. Может быть, действительно, прав этот парень: «Ну, конечно, он прав, зачем ему врать. Потом, как она фыркнула. Да она не только фыркнула, но громко сказала, что противно. Значит, она все понимает. Какой я дурак». И Орехов позавидовал этому парню. Он посмотрел в круглое зеркало и увидал самодовольную розовую морду Конвертова. Ветер сворачивал в сторону его улыбающиеся губы. Одной рукой он держался у горла за ремешки шлема,—должно быть не туго завязал.

«А ну-ка посмотрим, как ты себя сейчас почувствуешь». — И Орехов стал набирать высоту. Конвертов вдруг увидал, как на него падают облака, и ему это очень понравилось. Затем, когда он увидал, что на том месте, где полагается быть синему небу, растет зеленая трава, а снизу прет небо,—ему стало страшно. Ему показалось, что он висит на ремнях вниз головой. Но вот секунда, и все опять как полагается.

— Хорошо бы еще раз испытать это чувство,—подумал он и закивал головой и сияющий закричал:

— Еще, еще!

Орехов в зеркало наблюдал за ним и думал о нем тепло:

«Приятный парень. Молодец. Ну-ка я тебя еще раз качну». — И он еще раз сделал мертвую петлю.

Вечером, возвращаясь из города на аэродром. Орехов встретил у аптеки Зину. Она была в плаще и в черном берете. Орехов подошел к ней и, очень волнуясь, сказал:

— Здравствуйте! Мне надо с вами поговорить.—И, не дожидаясь согласия, продолжал.—Я очень виноват перед вами. Вы понимаете...

И он рассказал ей обо всем, упомянув о запасе фраз и даже о голосе.

Она улыбнулась и заметила:

— Как это грустно. Зачем это вам понадобилось. — Я вас приняла за пижона.

Он не мог ей ничего на это ответить.

— Все могло быть совсем иначе,—произнесла она очень тихо. И Орехову она показалась самой прекрасной на свете. Ведь именно такую девушку он так давно желал встретить. Из аптеки вышел Конвертов. Он был в новых калошах и желтых ботинках. Он присоединился к ним, и они пошли. Неизвестно к чему, Конвертов, глянув на свои ботинки, самодовольно сообщил:

— Вот теперь, когда стал завязывать шнурки двойным узлом, они больше не болтаются.

— Зато ночью, как ты с ними мучаешься. Вчера я даже рассердилась, — до трех часов возился, — заметила Зина.

— До свиданья!—сказал печально Орехов.

— Прощайте!

И когда он завернул за угол, голос, тот самый противный голос, которым он оперировал при разговоре с девушками-мещанками, приободрился и угодливо шепнул:

— Па-ашел на па-асадку.

— Замолчи, болван, — крикнул на него Орехов.—Я убью тебя, пошляк.

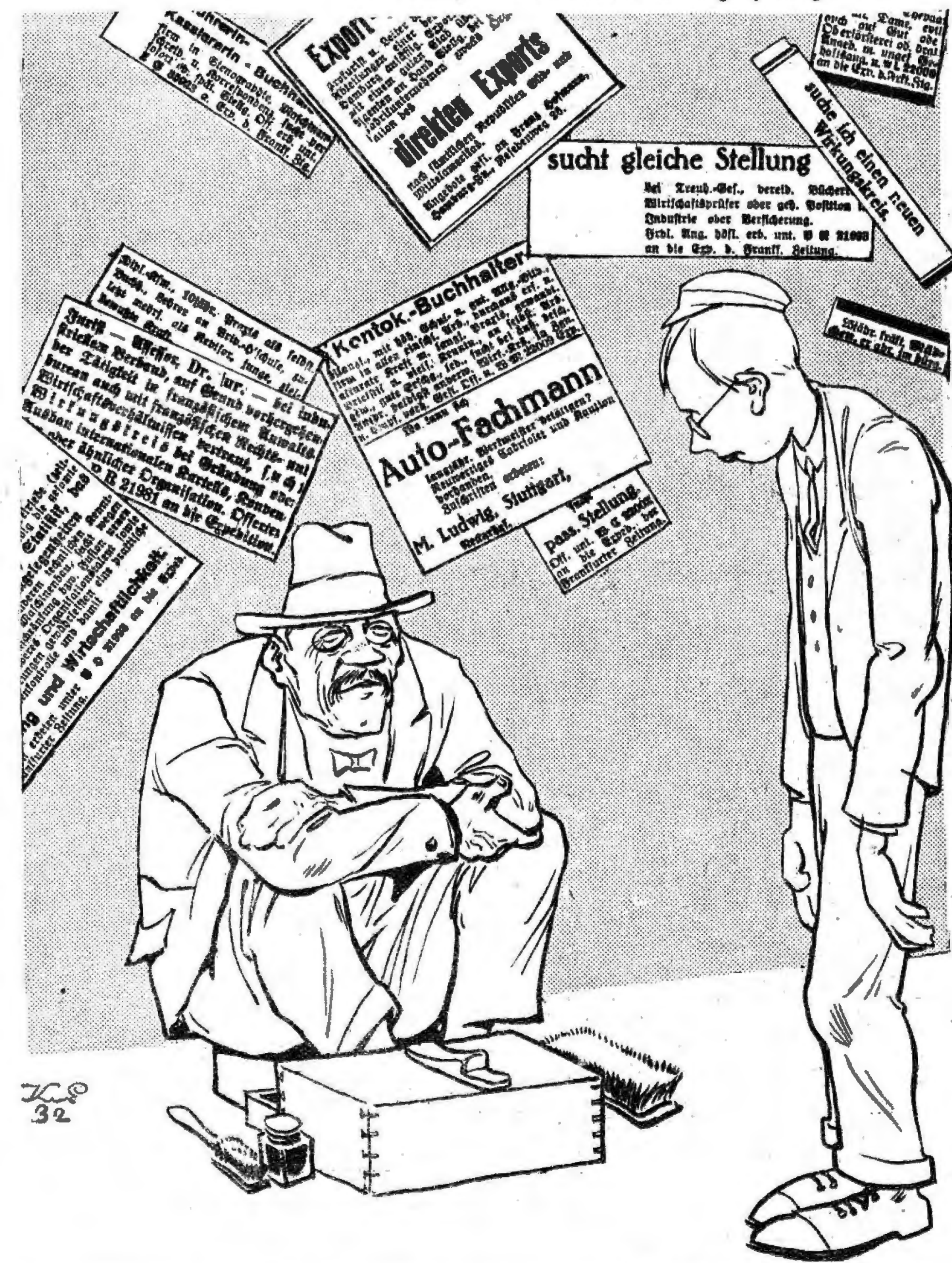
И он пошел к остановке автобуса, чтобы поехать на аэродром.

Б. Левин.

УЧЕНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ЗАПАДЕ

К. Елисеев

Печать Запада пестрит об'явлениями о том, что ученые и специалисты согласны на любую работу.

СТУДЕНТ: — Скажите, господин профессор, как это вы получили такую хорошую работу?..

ПРОФЕССОР: — Э, милый мой, тебе еще надо много лет учиться, чтобы этого достигнуть...

Очень часто в провинции, наряду с роскошными дворцами культуры, забывают об элементарных удобствах.

Л. Генч

— Хорошо, хоть этот лозунг светится, а то ведь фонари забыли поставить...

ЛЮДЕЙ ОКРУЖАЮТ ПОШЛЫЕ ВЕЩИ, И ВИД У ВЕЩЕЙ УЖАСНО ЗЛОВЕЩИЙ

Вчера
я сидел в гостях
у ударника.
(старый дружище,
попросту — Сенька).
Новый дом.
Высокий!
Удаленький!
Лестница
блеском
летит по ступенькам.
Вошел в переднюю.
И, словно от выстрела,
шарахнулся
мелкою дрожью колен.
С вешалки,
тыча рога ветвистые,
в меня вперился
пещерный олень.
Сеня же
спрашивает сатирика:
— Ну что,
хороша квартирка?
Квартирка на-ять.
И пару и газу...
Но...
зацепившись за цветочную вазу,
Сразу
забыл приветственную фразу.
Около сына
(мальца-пионера)
бедром изогнулась
лампа-«Венера».
Ручкой прикрыв
свою неприличность,
будто бы шепчет
готовый ответ:
— И я
в социализме —
личность
и даже
распространяю свет.
А около чашки,
где плещется кофе,
с грудкой
окурков и спичек
ухмыляется
пепельница-«Мефистофель».
— Я — буржуазной
культуры
кирпичик.
Кладете
социализму фундамент.
Ну что ж!
пригодились туда мы...
А на стене,
в золотораму вдвинув,
изобразило
чье-то перо
кокетливую Коломбину
и левущего к ней
Пьеро.
Рот Коломбинки
секунду ожил,
глаза заискрились
призмами:
— Что же,
как видите, мы тоже
в социализме признаны!..
Из-за красоты
вот этой дрянненькой,
где кошка на кошечке,
на чортике чортик,
никак не видно
друга-ударника;
он даже
вещам
симметрию портит.

А Сенька смеется:
— Ловко?
Красивая же
обстановка!
Хожу меж вещей,
осторожный лунатик,
Как бы не тронуть,
не поломать их.
Вещи такие, —
свирепей зверей,
грозятся рогами
из-за дверей:
— Мы тут правим,
мы тут владеем.
Сиди, подчиняйся
нашим идеям.
Мы не одни, —
нас целое племя,
на наших спинках
советские клейма,
мы на обложках
конфеток и мыла,
мы с пастилы
улыбаемся мило.
Мы на обложке
Жарова,
просим любить
и жаловать!
Беседа с ударником
не вяжется как-то,
заговоришь
о второй пятилетке,
А тут Мефистофель
реальнейшим фактам
ухмыляется —
скептик едкий.
Речь заведешь
о пилке фанеры,
ну, какая тут
пилка,
когда перемигивается
Венера
со свиньей-копилкой.
К каким таким
идейным глубинам
тебя влечет
Пьеро с Коломбиной?
Ушел.
Со стены
какая-то лепка
меня провожает
без сожаленья.
И ветром зимы
продувается кепка
продырявленная
рогом оленя...

Страшные вещи
рынок насытили,
тысячи
статуэток,
кошек,
ладей,
а вещи ж
тоже идей носители,
тоже
воспитывают людей.
Старых вкусов
остры укусы,
чтоб в быт
не вгрызался
сухаревский вкус, —
товарищи,
переделывайте вкусы,
как переделывают Москву.

С. Кирсанов.

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

I

— Как вам это нравится! Вчера купил пять коробок консервов и чуть не отравился.

— Возмутительно!

— Что ж, вы заявили санитарному врачу?

— Нет, зачем?.. Я их продал хорошему знакомому.

II

На вокзале у телефонной будки очередь. Каждый дождавшийся долго добивается станции, долго разговаривает. Очередь нервничает.

Подходит маленький человечек с маленьким чемоданчиком. Решительно отворяет дверь будки и обращается к занимающему телефон гражданину:

— Гражданин, выйдите, пожалуйста. Я монтер, проверяю автоматы.

Гражданин покорно выходит.

Монтер минуты три оживленно беседует по телефону. Потом выходит и говорит, обращаясь к очереди:

— А я не монтер!

III

В трамвае.

— Куда прешь, нахал! Тут тебе не Сухаревка...

— Правильно.

— Конечно, правильно. Спрашивать надо. Может, я вперед тебя слазию.

— Правильно.

— А ежели правильно, то нечего и переться. Надо мозгами шевелить.

— Правильно.

— Заладил — правильно да правильно... Других слов, што ли, не знаешь?

— Знаю, только спорить не охота.

Улисс.

БЫТ ОБЫВАТЕЛЬСКИЙ

Добродушные либералы склонны считать обывателя мирным, безобидным существом и весь обывательский быт сводят к самоварчику, к неведомой канарейке, к невиданной герани.

Ничего подобного! Обыватель свиреп, вооружен клыками и всегда готов пропороть живот ближнего своего. В своем быту обыватель занимается не воображаемыми канарейками, а неустанной борьбой чисто военного характера.

Начнем с обывательской квартиры.

Обывательская квартира — неприступная крепость, форт, по меньшей мере блиндаж, со многими линиями укреплений.

Первая линия укреплений — лестница. Обыватель содержит ее в неприступном состоянии. Она покрыта коварной, скользкой грязью, защищена густыми, непроходимыми облаками кошачьего газа и вдобавок погружена в непроницаемую темноту.

Вторая линия укреплений — дверь в квартиру. Она искусно замаскирована лохмотьями из клеенки и войлока. Надписи и рисунки мелом ошарашивают всякого, кто вздумал бы зажечь спичку. Для одоления сложнейшей звонковой и стуковой сигнализаций требуется не мало мужества и храбрости.

Третья линия укреплений — коридор или общий ход сообщения. Если бы на свете существовали черти, то они все оказались бы со сломанными ногами. Пройти без членовредительства по этой сплошной баррикаде сможет только сам обитатель квартиры, который знает, где притаились велосипед, шкаф, вешалка, останки швейной машины, колясочка, корытце и прочий бесчисленный хлам. Баррикада окутана, еще более чем лестница, газами животного и растительного происхождения. Из последних надо отметить конопляное и подсолнечное масло, которое при печении обывателем оладий, создает особо удушливую атмосферу.

По бокам коридора расположены замаскированные пылью и паутиной обывательские гнезда. Они носят громкое название жилплощади, но — в отличие от граждан — обыватель содержит их в таком состоянии, что жилплощадь хочется назвать несколько иначе. В этой своей норе обыватель непрестанно тренируется в боевых упражнениях. Он раздает подзатыльники своим детям и изощряется в словесном, а иногда и рукопашном бою с супругой.

Из своей норки обыватель выползает в общий коридор для схватки с соседями. Здесь баталии происходят около телефона, счетчика и уборной. Но генеральное внутреннее сражение развертывается преимущественно на специально отведенном плацдарме, именуемом общей кухней.

На кухне боевые игры и потехи производятся ежедневно с 8 часов утра и до полуночи. Начинаются они, по обычаю, словесной перепалкой, но к концу боя пускаются в ход даже огнеметы: участники сражения бросают друг в друга горящие примусы.

В своем ожесточении обыватель доходит до применения во внутренней квартирной борьбе жилищных зверств. Он применяет даже методы радиовоздействия на противника. По своей разрушительной силе, сводящей на-нет нервную систему врага, хороший громкоговоритель равняется известной германской пушке «Берте».

Из других жилищных зверств следует отметить прием гостей и торжество по случаю так называемого обывательского «дня ангела». То и другое гости заканчивают коллективным побоищем и всеобщей потерей калош.

Среди тактических приемов боя в жилище обыватель нередко применяет тихую сапу, подкопы, допеканье, склоку, измор и как венец этой тактики — неизбежный суд.

Обыватель пощады не дает. Противник это знает и никогда ее не просит.

Признаком полной капитуляции служит обычно об'явление поверженного в прах врага:

«Меняю комнату в центр. вс. уд. сух. сол. р. безразличен».

Тогда радости победителя нет пределов:

— Ага! Район ему, подлецу, безразличен! Значит, я его допек основательно!

И зверь набрасывается на следующего соседа по квартире.

Натренировавшись у себя в квартире, обыватель выходит на улицу и здесь тоже применяет свои воинственные привычки. Без надобности он толкает прохожих в грудную клетку, наступает на пятки впереди идущих, сшибает с ног детей и старух.

При переходе через улицу действует убийственно на нервы вагоновожатых и шоферов. Он неуклонно лезет под колеса, не обращая внимания на правила уличного движения и сигналы. И если милосердный шофер не раздавит его, то спасенный обыватель тут же обложит спасителя, как скотину.

Озверев окончательно, обыватель бросается в трамвай, где за десять копеек получает возможность толкать под микитки неизвестных ему граждан, наступать на трудовые мозоли и тискать женщин.

То же самое но проделывает вечером в кино или в раздевалке театра.

Впрочем он пускает в ход свои локти и клыки всюду, где только встречается с гражданами.

Это говорит о том, что обыватель, которого предстоит переделывать новому социалистическому обществу, вовсе не является мирным, безобидным существом.

Он — клыкастый зверь, и герань с канарейкой существует только в воображении либералов.

В заключение надо отметить некоторую антирелигиозную роль воинствующего обывателя.

Многие обыватели обывательских квартир перестали под влиянием вышеописанных жилищных условий верить в святых.

— Тоже святые! — говорила одна старушка, снимая со стены икону Симеона Столпника, который жил отшельником на столбе и потому почитался святым. — Подумаешь, какая важность — столб! Жил без соседей, с отдельным ходом, спокойно себе помалкивал. Нет ты, сукин кот, пожили у нас, в коммунальной квартире, рядом с Петром Петровичем, тогда действительно можешь считаться и великомучеником!

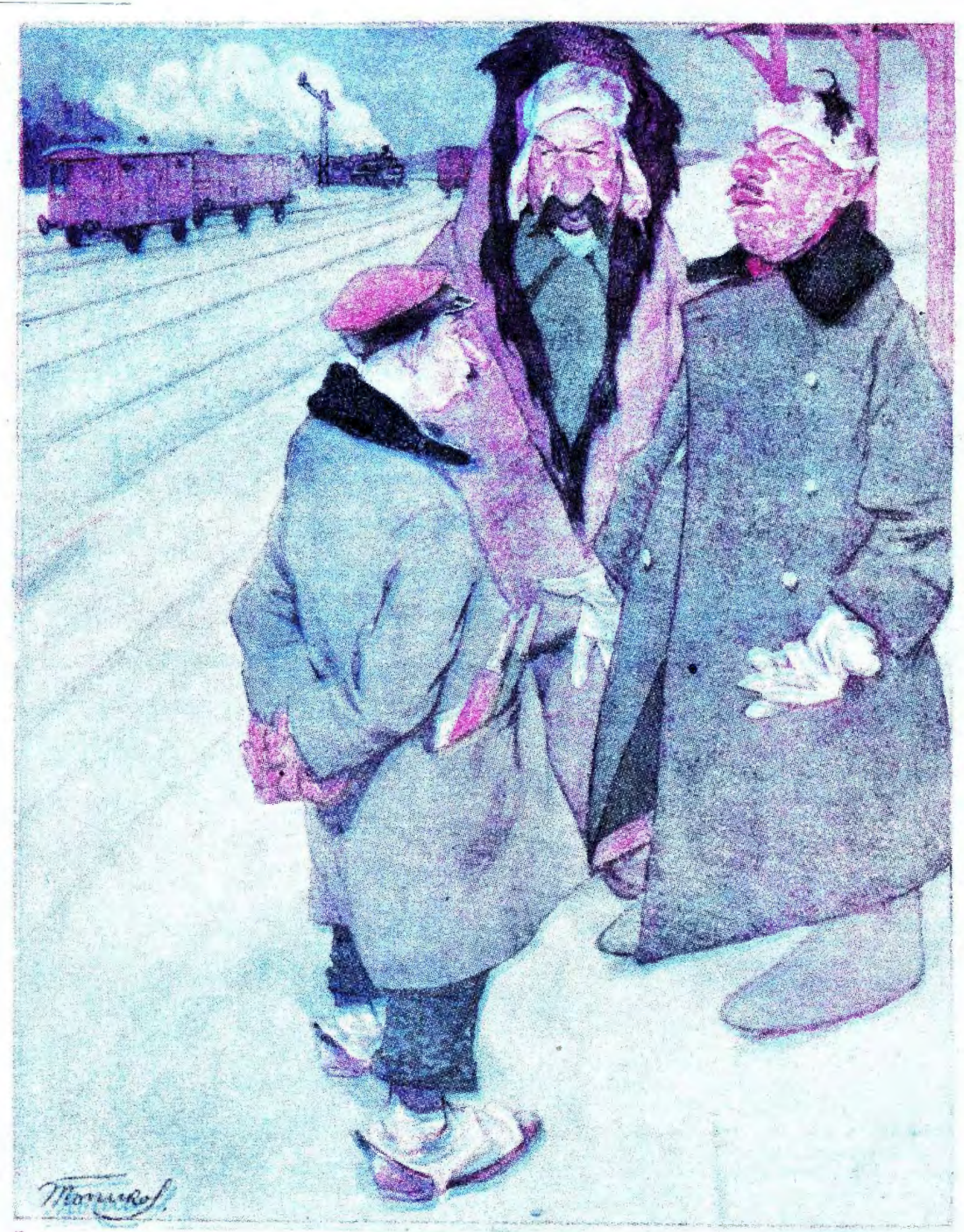
И старушка накрыла доской горшок с картошкой.

Б. Самсонов.

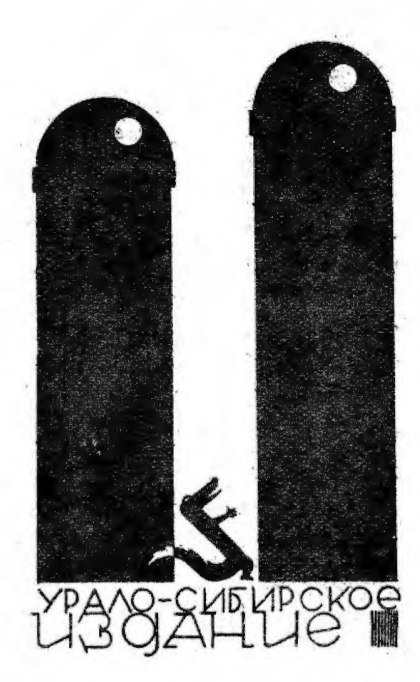
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ХЛАДНОКРОВИЕ

А. Топиков

В последнее время из-за халатности транспортников было несколько железнодорожных катастроф.

— *Закрыл бы, Петряев, семафор-то! Ведь налетит шешнадцатый-то?*
— *А не мне, Василий Иванович, закрывать-то. Чушкину закрывать. Он, чудак, в дежурке спит, а я сегодня выходной...*

„ПРИНУДУЧЕБА"

Урал... На Изумрудных копях, от камешков придя в восторг, всю культработу на галопе ведет «энтузиаст»-профорг. Об'ятый пылом созиданья, он бросил лозунг боевой:

«Внедрить технические знанья и на земле и под землей!»

Вот от панели и до крыши на каждом здании висят красноречивые афиши, во-всю о лекциях глася. Увы! — они напрасно звали...

Искать не будем мы причин, но неизменно в гулком зале печальный лектор был один.

— Позор! Скандал! А где же массы? Не в стены ж технику долбить!

Профорг задумал тем же часом профметод круто изменить.

Подкараулив после смены, рабочих прямо из бадьи профхитроумец постепенно в свой «департамент» уводил.

— Зайди ко мне, голубчик, прежде, вон в эту дверку, вон туда, потолковать о спецодежде с самим инспектором труда.

Глядит профорг, — собрался кворум (с натуги малый весь промок),— и вот в момент без разговору он «департамент»... на замок!

Кто б ждал подобного эффекта?!!

В ловушке приумолк шахтер... А в ту минуту вышел лектор, протер очки да и попер...

*

Уснула ночь. И тишь, как в морге. Профорг, открыв флакон чернил, строчит отчет в немом восторге:

— Я в массы технику внедрил!

Внедрил... А завтра после смены шахтер от лекций сам не свой, скрываясь за заборы, стены, бежал без памяти домой. И лишь войдя к себе в ворота, шахтер взмолился к небесам:

— Спаси, господь, от профработы, а с техникой я справлюсь сам!

Урал...

На Изумрудных копях*), придя в неистовый восторг, всю культработу ныне топит перестаравшийся профорг.

А. Стоврацкий.

*) Ст. Боженсва.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

СЛОВА И ДЕЛА

Первый маршрут с магнитогорским чугуном идущий в Москву, простоял 18 и 19 февраля на станции Полетаево более 12 часов по вине Златоустовского депо, не подавшего своевременно паровоза.

Совет не плохой, и отнюдь неспроста,
дело Златоуста даем для науки:
мало иметь «златые уста», —
нужно иметь «златые руки».

САМОПИТ

Ни один городской трест общественного питания Зап.-сиб. края в течение 1931 года не сделал накопления. Все дали огромный убыток. Томский трест вместо 100 тысяч прибыли дал 72 тыс. убытка. Барнаульский окончил год с дефицитом в 13 тыс. рублей.

Увы! — не скоплен капитал,
и вот итоги для финала:
здесь потребитель голодал,
а Коопит проел не мало.

ПАПАША ЧЕРНЕНКО

Многим, конечно, известен прекрасный рассказ Чехова о том, как влюбленный парикмахер целый год бесплатно стриг и брил папашу своей нареченной невесты.

Но вот однажды, в самый разгар стрижки, папаша об'явил жениху, что невеста выходит за другого, более выгодного кандидата. Пораженный в самое сердце, влюбленный парикмахер прекратил стрижку на половине работы и потребовал от клиента гривенник, на общих основаниях.

Но твердый, как адамант, папаша стер мыльную пену с обритой половины головы и заявил:

— Не хочешь брить бесплатно, как хочешь. А платить не буду. Подожду пока отрастет, сравняется.

Совершенно неожиданно нам удалось обнаружить чеховского папашу на Магнитострое. Он постарел, правда, обрюзг, волосы на обритой половине головы давно отросли, он даже переменил фамилию на Черненко и служит теперь помзавом коммунхоза горсовета.

Папаша Черненко заведует, между прочим, довольно прозаическим, но совершенно необходимым для благополучия магнитогорцев делом — наблюдением за уборными стройки. Причем следует отметить, что этот прозаический участок являлся совсем недавно крупной злобой дня на Магнитострое.

Работающие на домне в поисках горсоветовского клозета мчались на Гору, с Горы на Коксохимкомбинат, из гостиницы в цирк и так далее, так как уборных мало.

Ответственный же папаша Черненко, с добродушной улыбкой, скрестив руки на животике, мягко улыбался, наблюдая за этим великим переселением народов.

Только когда специальная комиссия предписала немедленно принять меры к приведению площадки в надлежащий санитарный вид, Черненко неожиданно проявил кипучую деятельность.

В один прекрасный день площадку заполнили специальные люди, набросившиеся на уборные. Люди отрывали двери клозетов, выламывали ступени, вскрывали полы, разрушали стены.

Парадом командовал Черненко.

— Ломай стенки дотла! — кричал Черненко. — Выдирай доски! Оставляй одни дыры! Мы тут такие клозеты закатим, что из Нью-Йорка приедут чертежи покупать.

Когда разрушение уборных было закончено на всей доменной площадке, Черненко с удовольствием потер ладони, осмотрел Мамаево побоище и сел писать срочные отношения.

«Стальмосту, Коксохимкомбинату, Промстрою.

С получением сего предлагается вам немедленно прислать деньги на ремонт уборных. Мы на хозрасчете. Если не пришлете — не будем ремонтировать».

Занятые срочными делами по стройке организации денег присылать не торопились.

Тогда Черненко распорядился:

— Работы прекратить. Не хотят платить, пусть не пользуются уборными. Растил же я себе полтора года недобритую голову. Терпел. Ну, так пусть и они терпят, если не хотят платить!

Разрушенные уборные зияют черными дырами. Вокруг, как после сражения, лежат сорванные двери и остатки стен.

Идет весна. Стройке грозят эпидемии из-за загрязнения площадки. Но Черненко стоек, как алмаз. Он может ждать. Пусть платят!

Вероятно, в конце концов, организации сдадутся. Они заплатят.

И Черненко построит уборные, достойные Рокфеллера.

Но жалко, что этот безусловно чеховский герой не читал своего автора. Совсем рядом с рассказом о себе он смог бы прочесть также рассказик о «Человеке в футляре», а дальше сообщение о знаменитом Иванове 7-м, который «хотя и седьмой, но дурак»...

И тем пополнить свое образование.

Бен-Гали.

Зав. Магнитогорским клубом горняков тов. Пронин не считает удобным дать комнату для техпропаганды, так как в ней рядом с портретами вождей висит портрет самого зав. клубом.

А. Генч

— Мне для моих портретов дополнительная площадь нужна, а вы еще тут со своей техпропагандой лезете!..

Поход за реализацию шести условий тов. Сталина показал, что на златоустовских ДОМНАХ труд организован плохо. Десятники зачастую уходят и оставляют свой участок на произвол.

А. Генч

— Могу я видеть ваших десятников?

— Пожалуйста, смотрите: вот они все у нас здесь на черной доске.

ВИЛЫ В БОК

СО СЛЕЗОЙ

Говорят, что хороший сыр всегда со слезой бывает. Но, между прочим, и хороший оппортунист тоже может быть со слезой.

Не верите? Сейчас докажем вам.

Когда зав. ОТЭ магнитогорского металлозавода Грудин получил от цеховой ячейки постановление: «За правооппортунистическую практику в работе тов. Грудина с работы снять», Грудин пустил обильную слезу и начал пускать ее в жилетку знакомых.

— Вот раньше спокойно жилось, хорошо. Никаких оппортунистов, ни правых ни левых не было, о троцкизме не слыхали. Благодать была!

Сквозь эту слезу Грудина довольно явственно проглядывает физиономия мещанина с партбилетом.

НУЖНЫ ЗАМКИ

Культработник об'единенного рабочкома строителей на ЦЭС Кольцов добился блестящих успехов: ни один красный уголок во вверенном ему районе не функционирует.

На вопрос постройкома, почему Кольцов угробил красные уголки, вышеизложенный «культработник» глубокомысленно ответил:

— Нет замков! Вот когда будут замки, тогда красные уголки будут работать по-настоящему.

Правильно. Кольцову нехватает только замков. Проявит этот работяга взрыв активности, достанет замки, запрет на них красные уголки окончательно, и тогда дело будет в шляпе.

ВЕЖЛИВОСТЬ ДО УПАДА

Вежливость персонала распреда № 69 ВЭС превосходит всякое вероятие. Потребителю здесь не только дают сколько угодно масла, мяса, трикотажа, посуды и так далее, но даже самоотверженно предлагают:

— Не угодно ли вам, товарищ, взять у нас бесплатно, на прокат, чемодан? Вам ведь неудобно будет нести эту продукцию. Пожалуйста!

Не верите? Факт! Каждый может на себе проверить это. При чем единственное небольшое условие для того, чтобы заслужить такое обращение, нужно быть... женой или теткой зав. магазином Долганова. Ну, а кто этого условия выполнять не хочет, — пусть пеняет на себя. Ни шиша не получит!

Большой Подольск

Фельетон Л. Митницкого *Рисунки М. Храпковского*

> *„Мы слишком шагнули вперед, чтобы считать довоенный уровень подходящей меркой нашей хозяйственной работы“.*
>
> **МОЛОТОВ.**
>
> *„Городское хозяйство неотделимо от общего развития всего народного хозяйства“.*
>
> **КАГАНОВИЧ.**

Самые ходовые стандартные начала очерков о новостройках, о переоборудованных заводах, о новых и обновленных городах у нас узаконены в таких примерно выражениях.

„Там, где были огороды и пустыри, где выли волки и расцветал лопух“...

Или: „Там, где ржавело железо и стояли бездымные трубы, где выпь в лесах — да топь во мхах“...

Или: „Сей город был на карте генеральной кружком отмечен иногда. Главная Непроезжая улица утопала в грязи. А на каждые шесть целых и четыре сотых человеко-жителя приходилось полезной жилплощади не более трех целых, ноль, ноль, ноль семь тысячных. А“...

...Оставим сравнительную географию— это весьма убаюкивающее и размагничивающее средство, которое на местах используют и так:

— Что? Вам не нравится, что на четырнадцатом году революции город охвачен водопроводом всего на ноль целых и четырнадцать сотых? Что? Водовозы, по-вашему,—пережиток? А известно ли вам, каково было общее состояние водоснабжения при Минине и Пожарском?

Оставим. И заглянем без обиняков и сравнений в бывший уездный город Подольск, ныне Московской области, ныне большой Подольск, родину советского крэкинга и Госшвеймашины.

Очеркист из вышеупомянутых сразу по выходе на площадь из тесного и прокуренного, как трубка, вокзалишки, затянет привычную волынку:

— Там, где дышал парным веником старый трактир, где скрипели под ногами гнилые доски, заменявшие тротуар, где косыми крестами стояли керосиновые фонари, — там теперь пылают прожекторы и мощной шеренгой стоят корпуса новых многоэтажных домов.

Так. Все это и сильно и возвышенно. Но горит прожектор, как плошка, и все пятнадцать прожекторов, „просвещающих“ город Подольск, страдают куриной слепотой. А из окон четырехэтажного дома червяками ползут коленчатые трубы, и фасад прокопчен, как окорок. Это без ретроспективных сравнений, конечно

Но вот поэт из тех, что пишут „Руку, товарищ завод“, молитвенно изложил бы сне:

Вот дом, в нем воплотилась мысль.

И дым из труб стремится ввысь!..

Белое новенькое здание клуба металлистов, стоящее на зимнем перекрестке, поэт обязательно сравнил бы с волжским пароходом в затоне. Это красиво. Но на „пароходе“ зимует своя, местная... красная халтура. В случаях же особо торжественных в этом клубе к концертной закуске после официальной части выписываются московские имена и фамилии.

Но так как у нас (и в Подольске) не любят говорить, то официальная часть, начатая часов с шести, заканчивается к половине двенадцатого, а без пяти двенадцать уходит последний поезд на Москву. Поэтому конферансье стоит перед публикой с часами в руках. Он спешит и волнуется:

— Чорт его знает, куда девался посланный за билетами?

— Короче! — шепчет он из-за кулис певице. — Не надо рефренов. Комкайте, комкайте! У нас еще семнадцать номеров и двадцать три минуты времени!

— Не сметь на бис. Искалечу! — напутствует он выходящего куплетиста.

Суматоха. На сцену выходят одновременно два номера: танцоры и квартет. За кулисами топот и трагическое перешептывание.

— Исполнившие,—бегом, бегом на станцию!

— Чья эта картонка?

— Ладно, хватай! В вагоне разберемся.

— Шесть минут в нашем распоряжении. Эй ты там, на сцене, закройся.

— Бе-е-гом!!!

— Но почему же такая спешка? — спросит нас недоверчивый читатель.

— А потому, что гостиница имеется пока только в проектах большого Подольска. Имеются, правда, при дворе Дома крестьянина свободные стойла, но человек — это звучит

гордо. И редко кто из приезжих идет навстречу такому гостеприимству.

В борьбе с театральной зависимостью от Москвы здесь даже создан свой банно-театральный комбинат. Его составные части: баня, дезинсектор и ПХАТ (Подольский художественный академический кинотеатр). Все это тесно увязано в одном доме... Над баней огромная вывеска, гласящая „Бани открыты“, — и широкая, как устье, лужа грязной воды, которая вытекает из бани и свидетельствует, что бани действительно открыты.

Несмотря на такую „пропускную“ способность бани, самому ретивому посетителю не удается помыться больше пяти раз в году. Но зато гигантские планы большого Подольска сулят городу баню-гигант, с пропускной способностью двести человек в час.

Вообще в Подольске теперь все гигантское. Горсовет запретил строить дома ниже пятиэтажных. Больница намечена такая, чтобы столицы завидовали, — не меньше, чем на тысячу пятьсот коек. Размеры Дома обороны разработаны немногим более, чем у Дворца советов в Москве.

А недавно один завод пытался построить дом в рабочем городке в четыре этажа. Но ему твердо сказали:

— У вас уже есть пятиэтажные дома. Вперед и выше. Стройте шестиэтажные — А стройматериалы?

— Ну, какие могут быть разговоры? Вперед и выше. Время не ждет!

И действительно, такая спешка, что не успеют одно здание возвести, как принимаются за другое. Наспех создается свой подольский архитектурный совет, а проекты вычерчиваются и разрабатываются... в Москве. Спешка.

Такая спешка, что не угнаться за ней часам. И потому, вероятно, нет ни часов ни ходиков — ни на улицах ни в учреждениях. Такая спешка, что построили фабрику-кухню по последнему слову техники и уж недосуг было подумать, — а куда помои сливать?

По этому поводу „Подольский рабочий“ скромно осведомляется у Подольстроя:

— Неужели последнее слово техники предусматривает отсутствие помоев в столовой вообще?

Подольстрой не отвечает. Но зато поэт из заезжих обязательно вдохновится этим.

Поэта поразят также огромнейшие корпуса Строительно-силикатного института. Напротив, через дорогу, поэт увидит потемневшие от времени резные домики на курьих ножках. И уж обязательно озаглавит свою скоропалительную поэму: „Поединок эпох“. Ну, какой может быть поединок у корпуса-слона с мухами-домиками.

Нет, товарищ поэт! Поединок теперь в другом и с другими.

Поединок теперь в Подольске должен быть с теми, кто устанавливает в городе прожекторы и дает им накалку в пятнадцать свечей; поединок с теми, кто плюет с прожекторского небоскреба на планы и действительность.

И это может быть скучно для поэтических людей, но в папках президиума РКК РКИ Подольска есть один протокол за номером пятьдесят четыре. Там очень наглядно в контрольных цыфирьках и крутых выражениях показан вот этот самый разрыв действительности. Разрыв, несмотря на то, что Подольск уже не прежний, он действительно перестраивается, он действительно строится, он уже большой.

Но подольчане еще не забыли по-старинке своего доморощенного клопа, очень любят они вспоминать о том, какой был Подольск пять лет, десять лет, пятьдесят лет назад, но разве не интереснее поговорить о том, какой будет Подольск лет пять спустя без прожектерства и небоскребов?!

Л. Митницкий.

„БОРЕЦ“ ЗА НОВЫЙ БЫТ

А. Радаков

МУЖ (жене).— Ты — низшее существо! Твой жизненный путь отмечен посудой!

М. Храпковский

„М О Е!“

„Н А Ш Е!“

ВИЛЫ В БОК

МИНИМУМ

В ларьке № 15 на ст. Индюк, Туапсинской жел. дор., завелись грызуны. В результате акт:

Комиссия в составе Артеменко, Питали, Лянга и Грибенюк произвела описание пришедших в негодность товаров:
1. Шапка суконная на Р. 2—50 с'едена мышами.
2. Кофе «Здоровье» 3 пачки на Р. 0—63 с'едено мышами.
3. Тесьма шелковая на Р. 3—00 с'едена мышами.
4. Бумага оберточная 2 кил. на Р. 1—00 с'едена мышами.
5. Хлеб печеный 5 клг на Р. 0—70 с'еден комиссией по проверке.
6. Консервы 2 банки на Р. 2—40 с'едедены комиссией по проверке.

. . . .

7. Хлебного вина 2 литра на Р. 15 выпито мышами.

Итого руб. 25—23.

В этом перечне одно кажется невероятным: не пьют мыши водку!

Признаемся: этого в акте и нет, от себя добавили. Но, чтоб составить такой акт, нужны: комиссия в вышеперечисленном составе и не менее 2 литров хлебного!

«БЕЗРАБОТНЫЙ» ГРОБ

О заболевшем сотруднике ярославской конторы связи Кажаеве пронесся слух, что он умер. Местком, не проверив слухов, провел подписку на похороны, купил гроб, венок и пригласил оркестр. К вечеру того же дня выяснилось, что Кажаев умирать не собирался. Гроб и венок остались в месткоме без применения.

Надгробные рыдания все же состоялись... над месткомом!

КТО БОЛЬШЕ?

В станице Талгор (Калининский район, Казакстан) 12 января—базарный день. Героем базарного дня на этот раз оказалась талгорская милиция. Она устроила аукцион разного бесхозяйственного имущества. На бочку взобрался сам начальник милиции Москаленко и начал:

— Продаются две иконы—Николая угодника и казанской божьей матери. Вполне исправные, на полном ходу. Две иконы—30 копеек. Кто больше?

За начальника милиции Москаленко больше дать нельзя. Такие ныне дешевы!

СРЕДИ КЛАССИКОВ

Фотомонтаж Б. Клинча

ГОГОЛЬ: — Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие.. Большевики всерьез взялись за ликвидацию моих типов!..

НЕЗАВИСЯЩИЕ ПРИЧИНЫ

На 7-м участке в Должанке (Ровенецкий район, Донбасс) вопрос о 6 условиях тов. Сталина не прорабатывался до 20 декабря 1931 года. Об'яснение этому находим в протоколе цехкома:

> Слушали: о шести указаниях тов. Сталина. Докладчик тов. Трифонов.
> Постановили: шесть указаний тов. Сталина прорабатывать опоздали по независящим от тов. Трифонова причинам, так как он был занят.
>
> Предцехкома Кузьменко.

К сожалению, мы не знаем, кто такой тов. Трифонов, — может быть, штатный докладчик, может, записной оратор, но если уж без него никак нельзя реализовать шесть условий, то личность он, — несомненно, важная и незаменимая. Не лучше ли в таком случае заменить цехком и бюро ячейки? Из двух зол выбрать меньшее.

МАНИФЕСТ СИДЕЛЬНИКОВА

Административная болтовня иногда облекается в высокую и торжественную форму рескриптов.

> **Приказ № 240 капитана парохода «ЛИННЕ».**
> В честь дня 14-летия Октябрьской революции все административные взыскания на работников вверенного мне судна снимаю, каковые считать амнистированны.
>
> Капитан парохода «Линне» Сидельников.

Во время сочинения этого приказа капитан, очевидно, испытывал сильную качку.

БОЛТОВНЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ

В адрес Укрселькоопцентра была прислана телеграмма такого содержания:

> Хлебная Харьков Укрселькоопцентр 254 Зиновьевска Киев Межегорская поздравляю со старым семейным счастьем Избавь угроз Берты
>
> Лариса.

Загадочная телеграмма обошла все учреждение но никто не мог расшифровать ее. Оказалось, что это две телеграфистки записали свой разговор.

Там, где в работу телеграфа впутывается «семейное счастье», несомненно, процветает семейственность!

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Зав. райздравотделом Гурьевского рика т. Кузнецова, придя в больницу, обнаружила, что ее потертое, но довольно сохранившееся пальто забрызгано грязью.

В меру выругав Гурьевский комхоз, Кузнецова обратилась к занятому приемом больных врачу Сундетову:

— Сундетов, вычистите мне пальто...

Врач бросил больных и, взяв бензин и щетку, занялся чисткой пальто зава.

Поражает не столько самодурство Кузнецовой, сколько услужливость врача.

Как говорится: два сапога — пара.

ОДНО НЕЯСНО...

Вот, посмотри сюда на план:
Здесь будет сад, а рядом пруд,
Тут будет сквер, а там фонтан,
Везде покой, везде уют.

Во всех квартирах свету — тьма!
Здесь воздух чист, как в Кисловодске,
Мой дом — не прежняя тюрьма:
Доволен будет люд заводский.

Здесь будет физкультурный зал,
Читальня, клуб, а там — гараж,
А тут — системою зеркал
Мы создадим отличный пляж...

— Проект прекрасен, — был ответ:
Мельчайший штрих не позабыт,
Одно неясно, где клозет?
— Клозет? Но это ж... старый быт...

Ольсен.

Из-во ЦК ВКП(б) „Правда". || АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ" — 50-к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, И. Мануильский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией: И. Абрамский. Ответственный редактор И. Мануильский

Москва. Изд. № 188 Сдача текста и рисунков — 18|II Подпись к печати—25|II. Статформат А4—210×297 Печатных листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В—19166. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП (б) „Правда" Москва, Сущевск. вал, 49. Зак. № 465 Тираж 500.000 экз.

Ю. Ганф

КАПИТАЛИСТ. — *Как благотворно действуют на мои акции эти жизненные соки!..*